

НОВОЕ ДЕЛО АЛЕКСАНДРА ШИРВИНДА

(Окончание. Начало на стр. 1)

генеральным Лешей Козловым, в капоте. Называлось это мужским клубом, и было в нем семь мужиков. Играли разные театральные пародии... Когда меня вызвали к тогдашнему председателю Гостелерадио, чтобы закрывать передачу, все стали коллективно готовить меня к разговору. Что он любит, что не любит, какие аргументы приводить... И я со всем этим знанием к нему пришел. «Я, — сказал он, — смотрел твою передачу. Представь себе, что где-то в далекой сибирской замке путевой обходчик пришел домой, сел с самогоном и шами, а по телевизору ему показывают пародию на Театр на Таганке... Он, конечно, берется за топор. Что вы там выпендриваетесь?! Вот когда у нас будет четыре-пять программ, тогда — пожалуйте, на пятом канале...» Программы закрыли. Помимо этого я уже 42 года увлечен педагогикой. Это бесплатно, совершенно неприбыльное дело, сродни болезни. И куда я уже от этого не денусь. Сейчас выпускаю очередную курс, поставил с ними Аверченко, спектакль называется «Летние страсти», и 29 декабря они его будут играть... Еще вот книжку написал вместе с Полюровским... Вот когда я все это обдумывал сам с собой, то помимо всего кошмара, о котором я скажу тебе ниже, я понял: все уже, весь лимит возможностей «сочленения» с творчеством я уже прошел. Спектакль ставил с Андрюшей Мироновым, с Марком Захаровым, я сам ставил... А вот художественным руководителем... Это интересно. Художественный руководитель? Это — авантюра. Вот и все позитивные эмоции. А негативных — тонны.

— Почему?
— Да потому, что сейчас надо будет сесть и посмотреть весь репертуар. Многие спектакли я, конечно, давно не видел. Разболтанность наверняка страшная, потому что их никто не смотрел, никто не следил за их состоянием. Уровень актерской импровизации, когда нет режиссерского глаза, известен. Дальше — одни вопросы. Что делать? Кого звать? Что ставить? Надо захмурить, отметить процентов 80 всех своих предложений «за хлебом»... А гастроль — это экономический интерес театра. Ведь у нас относительно хорошо получают артисты. Во-первых, потому что у нас — злшлагт вне зависимости от уровня произведения. Люди так обожрались чернухой, что они просто приходят, чтобы на два с половиной часа отключиться. Посмеяться. А аншлаги на 1300 мест при высоких ценах на билеты позволяют держаться. У нас в театре нет ни одного обменного пункта, ни одного офиса, ни одного ресторана. И никогда не было. Во-вторых, гастроль. Только в этом месяце мы были 10 дней в Германии с «Приветом от Цюриппы», потом 10 дней в Израиле с тем же спектаклем, потом со «Счастливым-Несчастливым» в Екатеринбург 5 дней. С этим мне сейчас придется как-то завязывать...

— К чему и призвал будущего художественного руководителя один из актеров — на том сборе труппы, где вас не было.
— Ну, да. Но для этого нужно иметь своего тихого Березовского. Я с наслаждением не буду мотаться по городам... Сейчас много говорят про свежее силы, и, конечно, по сравнению с Валентином Николаевичем я дико молодой человек.



Александр Ширвиндт теперь художник Театра сатиры. Фото Артема Чернова (НГ-фото)

ловек. А по сравнению с остальными я просто старший. Мотания по гастролям — не от хорошей жизни. Но придется отказываться, иначе никак, иначе получится фразеризм полный, а это не для меня... Так как я почти полтора месяца сам с собой рассуждаю и еще с двумя-тремя людьми советуюсь, то, взвесив все, я решил все-таки: ну, попробую. Единственное, на что я надеюсь: у меня совершенно нет никаких глобальных режиссерских амбиций. Если я позову кого-то поставить спектакль, у меня нет боязни, что этот кто-то поставит хорошо. А это — основная эмоция больших художников, которым нравится, когда рядом есть кто-то способный, милый, но это всегда должно быть чуть ниже его уровня. У меня все наоборот. Я, наоборот, хотел бы найти гениев. Они ведь где-то бродят... Не может же быть, чтобы их не было. Я в училище хожу на режиссерский факультет, присматриваюсь, смотрю-смотрю, кто-то появляется, а потом вдруг исчезает в каких-то подвалах и 30-метровых комнатах на крышах, на досках... Тем не менее я все-таки думаю, что сумею кого-то найти.

— На чем все-таки основан ваш оптимизм? Ведь вот примеры: Кирилл Лавров. Никаких режиссерских амбиций, выдающаяся труппа, все время ищет таланты... Михаил Ульянов. Все то же самое. Так и не смогли найти гениев.
— Сейчас сказать не могу. Думаю, что все дело в том, что они идут среди известных уже фигур. Пока я не знаю ни учеников Фоменко, ни учеников Захарова. Пока я могу рассчитывать на своих друзей, которые могли бы попробовать себя... Но боюсь сейчас говорить об этом.

— Тогда скажите, что вы собираетесь делать сейчас?
— Я могу сказать, что я хочу делать. Что надо делать сегодня, зав-

дальше, и так далее. Потом уже пошли спектакли. Это реанимировать сегодня необходимо. Когда вокруг одна сплошная чернуха, никакого нет позора в том, чтобы сделать нормальное, веселое, милое, доброе шоу, да еще посвященное памяти Андрюши Миронова. Он совершенно органично связан с биографией Театра сатиры. Еще идут в репертуаре его спектакли, в которых его роли уже играют другие, тот же Юра Васильев, который органично считает себя последователем Андрюши. Из этого можно сделать не тупо-концертные номера, а мощные шоу. Вот тебе перерыв говорю о своей мечте и планах на ближайшие два месяца.

— А дальше?
— Нужно поддерживать театр на плаву. Есть мечты о каком-то репертуаре... Я подумал о том, что в этом театре было очень много закрытых, снятых спектаклей. Например, «Теркин на том свете» прошел два раза. Может быть, это можно реанимировать? Может быть, смысл в этом какой-то сегодня существует? Спектакль ведь был очень хороший.

— Вы считаете, что новых больших спектаклей в Театре сатиры быть не должно?

— Должны быть и большие спектакли. Веселые спектакли должны быть. Сатира — это же ансклотическое название сегодня. Памяти сатиры? Или имени сатиры? Все равно, что имени Пушкина или Гоголя. Раньше была сатира, когда бились за трилогию Маяковского или когда закрывали «Самобуйицу»... Какая сейчас сатира? Юмор, ирония, улыбка, пародия. А из классики, — если бы у нас на кого из артистов поставить, тогда — да.

— Спектакль «Секретарши» укладывается в русло этой кашей концепции?

— Обязательно. Очень милая штука. Хотя, если бы эта каша была основана, предположим, на оригинальной музыке, было бы еще лучше. Но все равно это, как говорится, туза. Надо же как-то отличаться от других.

— На юбилее Театра сатиры мне показались, что вы несколько скептически относитесь ко многим в труппе...

— Это оттого, что я их очень хорошо знаю. Конечно, есть. К сожалению, очень много хороших молодежи сейчас как бы лежит на земле, включая 20 моих учеников... Миша Зонненштрал, к сожалению, трагический погиб. Архиталантливый человек! Вот бы сейчас за него затопить!...

— Не боится ли в театре, что вы ищите сильно «чистит» труппу?
— Нет, конечно. Они же меня знают. Я же совершенно не узурпатор. Поэтому так за меня и схватились.

— Если не быть узурпатором, то может и не получиться ничего...

— Покорный Рубен Николаевич Симонов говорил: «Из театра Вахтангова не уходит. Из театра Вахтангова только выносятся». Он считал: да, старился, да, уже ничего не может, но отдал театру жизнь... Так было в советском театре. Сейчас надо взять еще пять единиц, человек пять у нас ушло, значит можно будет взять десять молодых артистов, да еще наши, — получится хороший костяк. И — никакая хворь. Из тех, кого сегодня можно было бы спокойно вывести за труппу, никто не просит сыграть Фамусова или Лира. Они просто хотят работать. Пусть работают, на шоу, на Дунаевском, это — «Москва с точки зрения» и так

Михаил
Тестир

НОВОЕ ДЕЛО АЛЕКСАНДРА ШИРВИНДА

Новый художественный руководитель Театра сатиры обещает первым делом выпустить спектакль, посвященный Андрюше Миронову

Григорий Заславский

АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ! Можно ли сказать, что вы внутренне как-то готовились к назначению на должность художественного руководителя Театра сатиры?
— Внутренне я только взвешивал бесконечные «против» и «за», если откровенно, — то, что, во-первых, я 31 год работаю в этом театре. Если завтра в Театр сатиры придет некий Х, я вынужден буду просто уйти из театра. Остаться в Шукинском училище. Где я преподаю, играть в каких-то антрепризах... Гениев я что-то не вижу, а тот пасанец, который сейчас раскладывается, когда заходит речь о том или ином «бесхозном» театре и который судорожно перебирает в своих умах чиновники... Имена их я знаю, одни мне симпатичны, другие — безразличны, но интересных для меня среди них нет. Второе: надо немного попробовать еще и это. Я по сути не очень аферист, но думаю, что за свою жизнь я все попробовал...

— ?!
— В этой сфере, естественно! Я сидел и думал: мне все было ин-

Нужна
сатра - 2000

19 дек.